

Гнев Старого господина Ци, бушевавший подобно грозе, утих благодаря паре мудрых слов его старшего сына. Ци Фэнцзю лично допросил слуг из двора наложницы Чжоу. Стоило ему взяться за расспросы всерьез, как бывшая уверенность свидетелей испарилась: никто больше не смел божиться, будто своими глазами видел, как Второй молодой господин Ци обесчестил служанку.

Яньчжи тоже в конце концов призналась, что Шуйфэнь за глаза чернила господ. Второй молодой господин Ци услышал эти грязные сплетни и пришел в ярость.

— Что же вы молчали? — буркнул Старый господин Ци, стараясь сохранить лицо и как-то оправдать собственную поспешность. Его суровое лицо все еще оставалось напряженным. — Юлили, скрывали... Как прикажете это понимать? Но даже так — зачем распускать руки? Что такого наговорила эта девка?

Яньчжи не осмелилась повторить все дословно и пробормотала туманно:

— Она... она распускала язык о том несчастье, что стряслось с господином У на празднике любования цветами. И... и молодого господина Цзяна тоже помянула грязным словом...

Старый господин Ци изменился в лице. Он с силой грохнул ладонью по столу:

— Дерзость! Паршивая девка смеет чесать языком о наших родственниках!

В последнее время он из кожи вон лез, стараясь выслужиться перед княгиней Цзинь — Цзян Мэню, надеясь через ее супруга получить долгожданное повышение по службе. Для него Цзян Мэнчжэнь сейчас был неприкосновенным божеством, золотым идолом, на которого молиться надо. А тут какая-то служанка смеет распускать свои грязные сплетни! Это же чистой воды самоубийство!

— Подать ее сюда! Отрезать мерзавке язык и забить палками насмерть!

— Отец, наш дом исстари славится благородством и ученостью, — мягко вмешался Ци Фэнцзю. — Мы всегда проявляли милосердие к слугам. Не стоит марать руки. Давайте пощадим ее, а через пару дней позовем торговца людьми и сбудем с рук подальше.

Старый господин Ци нехотя согласился. Проворчав что-то в знак одобрения, он бросил пару дежурных утешений наложнице Чжоу и Ци Хэли, отряхнул полы своего роскошного халата и удалился.

Пока в усадьбе Ци кипели страсти, Цзян Мэнчжэнь ни о чем не догадывался. Все его мысли занимала предстоящая встреча с давним другом. Не обрученные гэеры всегда с замиранием

сердца и любопытством думают о таинствах брачной жизни, и только с близким человеком можно поделиться самыми сокровенными переживаниями.

— Глаза проглядел, пока тебя ждал! Ну почему ты пришел только сейчас? — воскликнул У Сисчунь.

Его длинные волосы теперь были высоко уложены и заколоты на манер супруга. Одежда тоже изменилась: больше никаких ярких, летящих шелков, только сдержанные, благородные тона, придававшие ему мягкость и солидность. Но стоило ему заговорить, как маска степенности спадала, обнажая все того же чистого, наивного и беззаботного молодого господина из графского поместья.

— Вы с господином Анем едва сыграли свадьбу, — с улыбкой отозвался Цзян Мэнчжэнь. — Не хотелось мешать вашему уединению.

У Сисчунь увлек друга в покои новобрачных. Устроившись на кушетке, он водрузил себе на колени белоснежного кота по кличке Снежное сокровище и заговорил:

— Ох, знал бы ты, в какой нищете он ютился! Даже чайник у него был из простой грубой глины!

— И все это принес сюда ты? — Цзян Мэнчжэнь скользнул взглядом по комнате и заметил на столике резную шахматную доску из теплого белого нефрита. Стоило коснуться ее пальцами, как по телу разлилось приятное тепло. — Полноте, этот нефрит ведь из дани Сиамского королевства? Твой отец, граф Уян, души в тебе не чает. Подумать только, отдал такое сокровище!

— Раз уж я здесь, никто больше не посмеет смотреть на него свысока! — воинственно вздернул подбородок У Сисчунь. — Представляешь, когда мы возвращались в мой родительский дом на третий день после свадьбы, госпожа Чжан распорядилась нагрузить в нашу повозку сущий хлам! Ее сына вычеркнули из семейного реестра, и она теперь изнывает от злости на нас обоих. Нарочно хотела выставить меня нищим перед родней! Моя матушка так разгневалась, что велела выбросить всю эту рвань. Вместо нее она доверху забила две повозки редкими драгоценностями и утварью из наших кладовых. Пусть все увидят, кто на самом деле жалок!

— Твоя матушка проявляет великую заботу, и сердце у нее золотое, — мягко заметил Цзян Мэнчжэнь. — Но каково твоему супругу? Злые языки ведь спать не будут, начнут шептаться за его спиной.

— Пусть себе болтают, — отмахнулся У Сисчунь. — Цяньюань сейчас учится в Государственной академии, откуда у него свои деньги? К тому же обе госпожи ухитряются урезать даже то мизерное ежемесячное содержание, что ему положено. Он и так натерпелся лишений в прошлом. Зато теперь, когда мы вместе, у него будет все самое лучшее. Раз они жадничают, мне их подачки и даром не нужны!

— Ну и щедрость! — рассмеялся Цзян Мэнчжэнь. — Господин Ань взял в супруги вовсе не гэера, а самого бога богатства!

Они еще долго шутили и смеялись, а потом склонились друг к другу, делясь сокровенными секретами. Постепенно их голоса перешли на шепот, щеки вспыхнули румянцем, а в глазах заблестели смущенные искорки.

— Ох, ну и жару ты тут развел, — Цзян Мэнчжэнь слегка ослабил ворот халата, чувствуя, как от откровений друга к лицу приливает жар. — Зима на дворе, а я уже взмок. Давай выйдем в сад, освежимся.

У Сисчунь лукаво прищурился. Стоило им распахнуть двери и сделать шаг на порог, как они нос к носу столкнулись с молодой женщиной, несшей поднос. Чайная пиала с оглушительным звоном полетела на пол, брызнув кипятком. Цзян Мэнчжэнь вздрогнул от неожиданности, но не успел вымолвить и слова, как из тени дома выросла мужская фигура. Незнакомец бережно подхватил упавшую служанку под локоть, а затем порывисто шагнул к У Сисчуню и сжал его ладони в своих.

— Таюань, ты цел? Не обжегся? — в голосе мужчины звенела непритворная тревога.

Девушка, одетая на удивление легко для зимней стужи, выглядела хрупкой и беззащитной. Она робко опустила голову и прошептала:

— Молодой господин, это все моя неловкость... Я разбила любимую пиалу господина У...

— Пустяки, дело житейское, — отозвался У Сисчунь, хотя в его взгляде, скользнувшем по осколкам изысканного лунцюаньского фарфора, промелькнула тень досады. Он перевел взгляд на мужа. — Почему ты вернулся так рано? Впрочем, это к лучшему. Познакомься с моим близким другом, это Цзян Мэнчжэнь из поместья маркиза Цзянлин. Мэнчжэнь, а это мой супруг — Ань Чжиюань.

Молодые люди обменялись церемонными поклонами. Цзян Мэнчжэнь внимательно вгляделся в черты лица Ань Чжиюаня, перевел взор на стоящую рядом девушку, и в его памяти внезапно всплыл смутный силуэт, замеченный им за глыбой декоративного камня во время свадебного пира. Сердце неприятно екнуло.

Ань Чжиюань вскоре поспешил откланяться. Цзян Мэнчжэнь провожал взглядом удаляющуюся служанку, слегка нахмутив брови.

— Кто она? То, как она держится с твоим супругом... Не похоже, чтобы она была простой прислужницей.

— Ее зовут Ли Цинло, она дочь кормилицы Чжиюаня, — пояснил У Сисчунь. — Мой муж рано

лишился матери, и кормилица фактически заменила ее. Разумеется, он тепло относится к ее близким.

— Вот как... — протянул Цзян Мэнчжэнь, но сомнения не оставили его. — Но почему в такой мороз она разгуливает в столь легком платье?

— Кто знает, может, просто хочет казаться краше? Молодость ведь не боится холода, — беспечно улыбнулся У Сисчунь и обернулся к своему слуге: — Жуньмо, отнеси барышне Ли мою накидку из маренового шелка. Раз уж Цяньюань считает ее сестрой, то и мне она не чужая.

— Я ведь просто спросил, а ты уже готов раздаривать вещи, — покачал головой Цзян Мэнчжэнь. — Решил прослыть милосердным покровителем?

— Одной накидкой больше, одной меньше — от меня не убудет.

Цзян Мэнчжэнь тихо вздохнул. Именно за эту искренность, открытую душу и безграничную щедрость он так ценил друга. Но сейчас его не покидало смутное предчувствие, что эта доброта может обернуться бедой.

— И все же будь осмотрительнее. Не стоит потакать чужим прихотям, иначе однажды они заберут у тебя все дочиста.

У Сисчунь лишь кротно улыбнулся в ответ:

— Если она сумеет это забрать, значит, оно никогда мне и не принадлежало. Стоит ли тогда лить слезы?

Закутавшись в теплое тяжелое маньто, Цзян Мэнчжэнь сидел на берегу Пруда Застывшей Яшмы, созерцая бледный лик луны. После возвращения из поместья графа Юньаня его душа не знала покоя. То ли не давали покоя сомнения — действительно ли у заснеженной скалы шептался Ань Чжиюань? — то ли откровенные шепотки друга растревожили прежде тихую заводь его сердца.

Если У Сисчунь уже познал безумную страсть и сладостное томление, о которых говорят «безумная страсть на горе Ушань зазря терзает душу», то Цзян Мэнчжэнь все еще оставался тем невинным цветком, чья обитель уединенна и чиста, ведь «в обители юной девы еще нет суженого». Плотские утехы, тайны супружеского ложа — все то, что он прежде стыдливо заталкивал в самые дальние уголки сознания ради сохранения душевной чистоты, теперь, после смущенных откровений друга, вспыхнуло ярким пламенем. Эти рассказы заронили в его душу горячую искру, лишая сна и покоя.

Как учили древние мудрецы: «В пище и плотском влечении сокрыты величайшие стремления человека». Каким бы благонравным и сдержанным ни старался казаться юноша на пороге зрелости, природа неизбежно берет свое, пробуждая робкое любопытство. Цзян Мэнчжэнь привык строго держать себя в руках, но изнуряющее пламя юности нельзя погасить до конца. Годами сдерживаемые порывы копились в его груди, не находя выхода, и теперь, когда плотина пала, лавина чувств грозила смести все преграды на своем пути.

Со стороны Обителя Нефритового Шэна через темную гладь пруда донеслись тоскливые звуки флейты и струн. Музыканты выводили мелодию «Ветер колышет листья лотоса» из знаменитой пьесы «Тоска по мирской жизни». Цзян Мэнчжэнь невольно подхватил знакомый мотив и тихо запел:

«Сброшу я и разорву послушничью рясу,

Предам земле сутры, забуду про деревянную рыбу,

Отрекись от медных тарелок.

Не под силу мне, подобно яростной демонице, усмирять злых духов,

Не взойти мне на престол Гуаньинь Водной Луны в Южном море.

Глубокой ночью одна засыпаю,

На рассвете одна пробуждаюсь.

Есть ли на свете душа, столь же одинокая и покинутая?

К чему мне этот постриг?..

Навек покину я звонницы, барабанные башни и пыльные храмы.

Сбегу с горы, найду себе милого сердцу юношу.

Пусть бьет меня, пусть бранит, пусть судит или смеется надо мной —

Всей душой не желаю я стать буддой, не стану больше твердить Амитабху и
Праджняпарамиту!»

— Господин, какая чудесная песня, — Биянь негромко подошла сзади и потерла озябшие ладони. — Но уже поздно, идемте в дом. Ночью мороз крепчает, неровен час простудитесь и начнете кашлять.

— Накинь что-нибудь потеплее, а заодно принеси мне грелку для рук, — тихо отозвался Цзян Мэнчжэнь. — Я побуду здесь еще немного.

— Только никуда не уходите! Я мигом!

Служанка поспешно побежала к дому. Цзян Мэнчжэнь взгляделся в зыбкую лунную дорожку на

воде и вдруг заметил у берега странное темное пятно, плавающее взад-вперед. Музыка смолкла, и сад погрузился в зловещую тишину. Завывание северного ветра напоминало плач призраков. Мороз пробежал по его коже. Переборов страх, он бесшумно шагнул вперед, поднял с земли увесистый камень и бросил его в воду. Раздался всплеск, и из камышей с шумным хлопанием крыльев взмыли испуганные утки.

Он облегченно перевел дух и пробормотал под нос:

— Вот видишь, никаких призраков не существует...

Но не успел он договорить, как сзади обрушился сокрушительный толчок. Чья-то неведомая сила безжалостно швырнула его прямо в ледяное лоно пруда!

Вода, глубокая и черная, мгновенно поглотила его. В панике Цзян Мэнчжэнь попытался вдохнуть и крикнуть, но обжигающий холод хлынул в горло. Легкие обожгло болью, а крик застрял в груди. С берега донесся жуткий, безумный женский хохот. Намокшее маньто потащило его на дно безжалостным грузом.

Цзян Мэнчжэнь и подумать не мог, что его жизнь оборвется так нелепо. Он не умел плавать, а ледяная вода мгновенно сковала его тело, лишив возможности пошевелить даже пальцем. Сознание угасало, легкие разрывались от нехватки воздуха. Из всех чувств осталась лишь невыносимая удушающая боль и леденящий ужас неминуемой смерти.

И в этот миг, на самой грани небытия, сильные руки крепко обхватили его за талию. Инстинкт самосохранения заставил Цзян Мэнчжэня мертвой хваткой вцепиться в шею спасителя. Внезапно к его замерзшим губам прижались чужие, горячие губы, вливая в его грудь спасительный глоток воздуха.

Они то уходили под воду, то вновь выныривали. Дыхание спасителя казалось бесконечным, но у него явно не хватало сил вытащить их обоих на сушу. Сквозь пелену угасающего сознания Цзян Мэнчжэнь попытался слабо оттолкнуть худощавые плечи незнакомца. Он не хотел, чтобы кто-то погибал из-за него. Однако спаситель лишь крепче сжал объятия, словно решив разделить с ним эту участь до самого конца.

Тело Цзян Мэнчжэня превратилось в кусок льда, но в груди впервые за всю жизнь полыхал неистовый огонь. Это отчаянное объятие на краю могилы сокрушило все преграды, защищавшие его сердце. Поверив, что смерть неизбежна, он отбросил всякий стыд и с непередаваемой нежностью ответил на прикосновение чужих губ. Он не знал, был ли это тот самый поцелуй, о котором смущенно шептал его друг, но теперь ему было не о чем жалеть. Сознание окончательно покинуло его, погрузив во тьму.

Когда он пришел в себя, над ним колыхался знакомый бледно-лиловый полог его собственной

постели. Вокруг кровати толпились взволнованные Старый господин Ци и госпожа Ци. Глаза Биянь опухли от слез и походили на спелые персики. Увидев, что молодой господин открыл глаза, она разрыдалась с новой силой.

— Какое счастье, что Старший молодой господин Ци проходил мимо! — сквозь слезы причитали слуги. — Иначе случилась бы непоправимая беда!

Биянь упала на колени и принялась неистово бить поклоны человеку, стоявшему чуть поодаль у окна:

— Ничтожная рабыня благодарит Старшего молодого господина Ци за спасение жизни моего господина! Век не забудем вашей милости!

Толпа расступилась. Пред взором Цзян Мэнчжэня предстало благородное, красивое лицо Ци Фэнцзю. Память мгновенно воскресила отчаянные объятия в ледяной бездне и тот спасительный, нежный поцелуй. На его бледных губах медленно расцвела слабая улыбка.

Не нашлось бы слов, способных описать ошеломляющую красоту этой улыбки. Будто небесный белый пион, дремавший в бутоне целую вечность, наконец явил миру свое величие.

<http://bllate.org/book/19598/2002408>